

М.И. Рыбалова

Новосибирский государственный университет

**Евангелизм *блудный сын*: ассоциативный аспект
(на материале ассоциативного эксперимента)**

Аннотация: В статье рассматриваются ассоциативные связи евангелизма *блудный сын* из новозаветной притчи, выявленные в ходе ассоциативного эксперимента, также анализируются ответы респондентов, полученные на дополнительные вопросы (однокоренные слова, контексты употребления и др.).

This paper describes the associative relations of the evangelism *блудный сын* (*prodigal son*) from the New Testament parable which have been revealed in the course of an associative experiment. Also, an analysis is made of respondents' answers to subsidiary points (conjugates, dynamic scopes, etc.).

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциации, стимул, реакция, евангелизм, фразеологизм.

Associative experiment, association, stimulus, response, evangelism, idiom.

УДК: 811

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра древних языков. Тел (383) 3634229. E-mail: maria.rybalova@gmail.com.

Данная работа посвящена рассмотрению евангелизма *блудный сын* из новозаветной притчи о блудном сыне в ассоциативном аспекте. Особенности изучаемого объекта обусловили выбор аспектов его исследования.

С одной стороны, евангельский текст является источником образов для разных видов искусства – библейские мотивы распространены и в живописи, и в графике, и в музыке. С другой стороны, существуя в этих, казалось бы, вторичных формах, библейские образы отсылают реципиента к первотексту, стимулируют его чтение, изучение и, в свою очередь, служат источниками новых текстов. Поэтому при исследовании таких единиц, как библеизмы, невозможно ограничиться только областью их чисто языкового функционирования, и в ходе исследования мы обращались к различным формам существования рассматриваемых образов (например, живопись). Итак, нам видится возможным отнесение библеизмов к *прецедентным феноменам*.

Под *прецедентными* мы понимаем *феномены*, хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, актуальные в когнитивном плане, и, наконец, такие, апелляция к которым постоянно возобновляется в национальном дискурсе. Изучение прецедентного имени ведется сегодня в семантическом, культурологическом, семиотическом, психолингвистическом направлениях.

Рассмотрение библеизмов в аспекте психолингвистики уже применялось, и мы участвуем в этой работе в контексте уже существующих исследований, но в целом нужно отметить, что данная область является еще достаточно новой. Методика ассоциативного эксперимента (АЭ) позволяет установить такие закономерности идентификации исследуемых нами единиц носителями языка, которые еще не нашли своего отражения в словарях. Данная методика, разработанная

А.А. Леонтьевым, Р.М. Фрумкиной и другими психолингвистами, применима как к историческому, так и к современному материалу [Леонтьев, 1967; Фрумкина, 2001]. Последний тип исследований сейчас широко применяется лингвистами при изучении таких проблем, как освоение языка (как первого, родного, так и второго – иностранного), а также при изучении речевых ошибок и детской речи.

Как мы убедились, изучение евангелизмов в психолингвистическом аспекте дает показательные результаты и может применяться в дальнейшем при исследовании все более широкого круга языковых единиц. Целью нашего эксперимента было выяснить, какие представления о рассматриваемом нами евангелизме существуют у носителей современного русского литературного языка.

Участниками АЭ стали 94 студента отделения филологии гуманитарного факультета Новосибирского Государственного Университета. Всего был получен 391 ответ, из них: 128 – ассоциации, 152 – однокоренные слова, 31 – словосочетания, 25 – контексты употребления, 55 – названия художественных произведений, в которых встречается образ *блудного сына*.

Во-первых, среди ответов на вопросы анкеты ассоциативного эксперимента 27 прямо указали на источник этого образа: *притча, притча о блудном сыне, притча из Евангелия*, другие же указывали в качестве источника этого образа *Библию (16), Евангелие (6), Завет*. Помимо указанных ответов, встречалась и лексика, связанная с религиозной сферой: *религия, пост, христианские заповеди, неделя* (видимо, эта реакция связана с названием одной из подготовительных недель перед великим постом – «недели о мытаре и фарисее») и др.

Во-вторых, кроме прямых указаний источника этого образа, среди ответов на различные вопросы анкеты АЭ многими респондентами были приведены цитаты, свидетельствующие об их осведомленности о евангельском контексте: *умер и воскрес, был потерян и найден*. Последние слова – это практически точная цитата из Евангелия, ср. с текстом притчи о блудном сыне: *Рече же ѿтѣцъ къ рабѣмъ своимъ: ѿнесите ѿдеждѣ первѣю и ѡблецыте еѣ, и дадите перстень на рѣкъ еѣ и сапогѣ на нѡзѣ: и привѣдше телецъ ѡпитанный заколите, и ѡдше велелѣмъ: ѡкъ сынъ мой еѣ мертвъ еѣ, и ѡживѣ: и ѡзгнѣлъ еѣ, и ѡбрътѣся. И начаша вселичнѣи [Лк. 15, 22–24]; а также заключительный стих притчи: *возвелеличнѣи и возрадовати подобаше, ѡкъ братъ твоѣ еѣ мертвъ еѣ, и ѡживѣ: и ѡзгнѣлъ еѣ, и ѡбрътѣся* [Лк. 15, 32].*

Из ста семидесяти двух ответов на первые три вопроса шестьдесят пять напрямую были связаны с различными эпизодами притчи о блудном сыне: *пир, наследник, раскаяние, вернулся, возвращение, прощен* и т.п. Рассмотрим подробнее некоторые из них. Среди ассоциаций, приведенных на стимул *блудный сын*, были такие, которые отражали первую часть притчи, с выраженной отрицательной коннотацией, а также такие, которые отражали финальную сцену притчи, с положительной коннотацией, подчеркивающей евангельский смысл этой притчи. Ср.: *изгой, одиночество, прошлое, печаль, лохмотья, дорога, бродяга, падший человек, страдание, отчуждение, разврат, свобода, грех; блудный сын скитался по свету; и возвращение (11), прощение (4), радость (2), вернулся, дом, вознагражденный отец; долгожданный, раскаявшийся блудный сын; отец простил блудного сына и т. д.*

Кроме того, встречались ассоциации, вызванные, видимо, представлением современного носителя русского языка и культуры о поведении, образе жизни «блудного сына»: *не ночевать дома, злой отец, плохая семья, родители, детство, топор, дорога*. Также несколько раз было приведено употребление этого словосочетания в форме женского рода: *блудная дочь*, возможно, ставшее более актуальным за века, отделяющие время написания Евангелия от нашего времени.

Мы видим, что в языковом сознании носителя современного русского языка эта притча вызывает несколько другие реакции, другие оценки, происходит определенное смещение акцентов по сравнению с первоисточником – Евангелием. Так, насколько мы могли убедиться из ответов студентов, участвовавших в ассоциативном эксперименте, в ряде случаев имеет место переоценка подобных ситуаций. Таким образом, вина чаще переносится представителями молодежи с сына на отца, на старшее поколение, что непроизвольно проявляется в таких реакциях: *злой отец, плохая семья* и др.

Итак, можно предположить, что в их подсознании существует именно такая интерпретация подобных жизненных и литературных сюжетов. Возможно, это связано с особенностями индивидуального опыта каждой языковой личности. Так, в одной анкете в качестве реакции на стимул *блудный сын* было приведено местоимение первого лица «я». Следовательно, респондент в какой-то мере отождествил, сравнил себя с героем притчи на основании какого-либо сходства жизненных обстоятельств.

Примечательно, что у участников АЭ выявилась устойчивая связь образа *блудного сына* с понятием *странствие*. Так, среди реакций на этот стимул встречались такие, как: *дорога, посох, трость, лохмотья, изгой, бродяга*.

Среди контекстов употребления для евангелизма *блудный сын* можно выделить словосочетания и предложения, отражающие основные события притчи, этапы духовной жизни героя притчи – а) уход из родительского дома, отсутствие, б) раскаяние, в) возвращение блудного сына и г) прощение его отцом. Приведем некоторые из подобных контекстов: а) *блудный сын ушел опять; долго скитался блудный сын; блудный сын скитался по свету; где ты был, блудный сын; б) непослушный, раскаявшийся; в) блудный сын вернулся к отцу; возвращение блудного сына (22); наконец и блудный сын вернулся в отчий дом; отец встречает блудного сына; г) прощенный блудный сын; отец простил блудного сына; нашелся; отец встречает блудного сына; о мой несчастный блудный сын!* и т. п.

Из приведенных ответов складывается представление опрошенной группы носителей современного русского литературного языка о значении и употреблении евангелизма *блудный сын*. Большинство респондентов имеет достаточно четкое представление об экстралингвистической ситуации, в которой его можно применить; многим (с различной степенью глубины), вероятно, известен сюжет евангельской притчи.

Кроме того, нужно отметить достаточно высокую словообразовательную активность прилагательного *блудный*. Так, участники АЭ привели среди однокоренных слов дериваты разных частей речи: глаголы с различными аффиксами (*блудить* – 43; *блуждать* – 23; *приблудиться; заблудиться* – 15; *зablуждаться* – 3; а также соотв. причастия – *зablудший, зablудившийся, зablуждаться*); прилагательные (*приблудный, блудливый*); существительные (*блуждание, блудница, блуд, блудник*) и другие.

Нужно отметить, что довольно регулярно в качестве реакции на стимул *блудный сын* респонденты указывали картину Рембрандта «Возвращение блудного сына»: *картина Рембрандта; он смотрит на картину «Возвращение блудного сына»;* или неопределенно «картина» (15), или только имя художника – *Рембрандт*, некоторые же вспомнили *Ивана Грозного IV*. Эту связь довольно сложно объяснить, но, возможно, здесь также имеется в виду картина (И. Репин «Иван Грозный убивает своего сына»). Во всяком случае, этот яркий образ присутствует в базовой части языковой личности принявшей участие в АЭ группы носителей современного русского литературного языка.

Кроме того, в ответах респондентов на вопросы анкеты АЭ прослеживается связь данного евангелизма с переносным значением фразеологизма *блудный сын* – ‘о человеке, сбившемся с пути, блуждающем по неверному жизненному пути и т. п.’. Именно в этом значении используется образ *блудного сына* (вернее,

“блудной дочери”) в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель». Так, среди ассоциаций встретились следующие: *Пушкин, картинки у станционного смотрителя (А.С. Пушкин), станционный смотритель, «лубочные картинки», аллюзии у Пушкина в «Станционном смотрителе»* и некоторые другие (всего – 19). Действительно, вспомним текст указанной «Повести Белкина» А.С. Пушкина. Прилагательное *зablудший* употребляется по отношению к Дуне, дочери Самсона Вырина, смотрителя станции. В тексте повести происходит контаминация образов из двух евангельских притч – о блудном сыне и о потерянной овце. То есть Дуня для смотрителя – это и потерянная овечка, которую он идет искать, и блудная дочь, возвращения которой он ждёт. Кроме того, в этом же тексте герой входит в жилище смотрителя и видит на стенах «картинки, изображающие историю блудного сына». Это прямая аллюзия на Евангельскую притчу, без каких-либо вербализованных авторских вмешательств. Пушкин лишь вызывает в памяти знающего читателя нужный сюжет и, таким образом, направляет деятельность его воображения в нужном направлении, вызывая определенные ассоциации. А.И. Федоров считал такие наращивания смыслов в художественном тексте не случайными, целенаправленными, он называл подобные «добавочные информации» фразеологической модальностью, проявлением авторского отношения к объекту описания [Федоров, 1973].

Также у респондентов выявились достаточно устойчивые ассоциации евангелизма *блудный сын* с такими произведениями литературы, как: повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», роман В. Гюго «Отверженные», поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри»; также среди указанных респондентами литературных произведений, в которых использовался этот образ, встречались романы Ф.М. Достоевского, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Робинзон Крузо» Д. Дефо и некоторые другие.

Как видно из приведенных ответов участников АЭ, сфера применения евангелизма *блудный сын* достаточно широка, его переносные значения активно функционируют в языке, респонденты распознают связь с исходным текстом в различных образах мировой литературы. Так как некоторые респонденты прямо указывали на источник этого евангелизма, можно предположить, что связь с исходным текстом притчи еще жива для большинства носителей современного русского языка. Помимо явно выраженной связи этого библеизма с Евангелием, респондентами были приведены контексты, свидетельствующие о принадлежности евангелизма *блудный сын* к активной части когнитивной базы национального русского языкового сознания, то есть к вневременной, исторической, или инвариантной части в структуре языковой личности. Анализ ответов респондентов на предложенные вопросы приводит к выводу, что образ *блудного сына* присутствует в их языковом сознании, нередко в виде фоновых знаний, ассоциаций или забытых фактов языка. Это один самых распространенных образов мировой литературы и культуры, приобретающий всё новые наращивания смыслов.

Литература

Библия на русском и церковно-славянском языках. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/bible/> (дата обращения: 3.03.2013).

Леонтьев А.А. Психоллингвистика. Л., 1967.

Словарь языка Пушкина: В 4-х т. М., 2000 – 2001. Т. 1.

Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX века / Отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск, 1973.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2-х т. / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2004. Т. 1.

Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2001.